

Пока они грызли сахарные перья и шоколадных лягушек, Гарри прочитал несколько заклинаний, которые показались ему полезными. Ему стало интересно, сможет ли он творить их и без слов.

"Я полагаю, мы кое-что забыли". сказала Гермиона.

"Что?" спросил Рон с паникой в голосе. "Я клянусь, я обо всем подумал!"

"Нет, не так. Просто... после удара". мягко сказала Гермиона. "Ты собираешься поговорить с отцом о войне? Теперь, когда министерство признает, что Сами-Знаете-Кто вернулся, ничто не удерживает его от открытых действий против всего мира".

Гарри честно не знал. Он не хотел об этом думать. Но он знал, что, вероятно, должен. Если его отец может помочь закончить войну, спасти больше жизней, то Гарри должен рассказать ему об этом. Но в то же время он не хотел иметь ничего общего с человеком, который мог так легко бросить своих друзей. На его лице появилось упрямое выражение, которое друзья легко истолковали.

"Если ты не хочешь говорить об этом с отцом, может, Тор поможет. Он ведь твой дядя, не так ли? К тому же он супергерой, так что это вроде как его работа". предложил Рон.

"Я не знаю. Он не владеет магией, а остальные Мстители - магглы. Это будет безопасно?" спросил Гарри.

"Если это будет правильно". сказала Гермиона. "Дайте им возможность. Нашей стороне нужна помощь, которую она может получить".

"Хорошо. Я не буду отвлекаться".

"Хорошо. Теперь мы достаточно поработали над планом. Гарри, давай сыграем в шахматы".

Гарри усмехнулся, но согласился сыграть с Роном в шахматы. Рон победил его трижды, пока Гермиона читала очередную книгу, посвященную норвежским богам и истории полубогов. Гарри не хотел знать, что было в этой книге, потому что, судя по виду Гермионы, он чувствовал, что ничего хорошего там не было.

К тому времени, как они въехали в Лондон, Гарри почти забыл, что в его жизни что-то не так. Никто не заходил в их купе, чтобы побеспокоить их, а друзья не давали ему отвлечься. Но когда поезд замедлил ход и Гарри понял, что ему действительно придется ехать в Нью-Йорк и бить отца, нервы вернулись.

"Все будет хорошо, Гарри".

"Да." сказал Гарри, глядя на своих друзей. "Пойдемте. Пойдемте."

"Время шоу". сказал Рон, ухмыляясь.

Во время представления они взяли свои плавки, избежали Малфоя и его головорезов и отправились туда, где их ждали Уизли. Гарри очень осторожно обнял миссис Уизли, но, видимо, ей показалось, что он слишком сильно ее сжимает, потому что она немного расплакалась и сказала, что все будет хорошо. Он был рад, что не причинил ей вреда. Гарри не знал, будет ли все в порядке, он знал только, что ему нужно получить ответы и восстановить справедливость.

Попрощавшись со всеми Уизли, включая Фреда и Джорджа. Он оправдался и быстро скрылся. Он слышал, как Рон объяснял маме и папе, что Дурслям не терпится доставить Гарри домой, в палаты крови. Последнее, что услышал Гарри, прежде чем пройти через барьер, - это слова мистера Уизли о том, что он рад, что у маглов все в порядке с головой.

Гарри пробирался сквозь толпу на вокзале, не сводя глаз со своих родственников. Он увидел дядю Вернона, сердито стоящего у одного из выходов. Гарри знал, что если он не подойдет к нему через 15 минут или меньше, то тот оставит его там. И это его вполне устраивало. Гарри вовсе не собирался разговаривать с родственниками. Вместо этого он прокрался к ближайшему мужскому туалету и забился в пустую кабинку для инвалидов.

Ему нужно было пространство, чтобы творить магию, которую он должен был творить. Он с грустью посмотрел на пустую клетку для совы, стоявшую на верхушке его сундука. Он отправил Букля в нору. Там его птица была бы в большей безопасности. Она по-своему заверила его, что справится, а Гермиона подтвердила, что Букля какое-то время будет в полном порядке сама по себе. Но это не значит, что он не скучал по своей птице. Он открыл сундук и достал оттуда одежду.

Найти нужную одежду оказалось проще, чем ожидалось. Он просто попросил Добби о помощи, и эльф с радостью достал то, что ему было нужно. Дело не в том, что у Гарри не было маггловской одежды, она у него была. Просто маггловская одежда была либо свитером Уизли, либо чем-то из вещей Дадли. Если Гарри был честен с собой, он не хотел видеть отца ни в том, ни в другом. Он хотел выглядеть так, будто он сильный, будто мир вокруг него не выходит из-под контроля. По крайней мере, когда он его ударил.

Он быстро переоделся в одежду - к счастью, Добби внимательно слушал, чего хочет Гарри, и не купил ничего слишком... доббистского, если не сказать больше. Рубашка была темно-зеленой, а джинсы сидели на нем как влитые, без дыр и разрывов. Добби даже купил ему новые кроссовки, подходящие по размеру к его ногам (которые выросли вместе с остальными). Одевшись, он наложил на себя несколько заклинаний. Первым из них было заклинание "Заметить-не заметить", чтобы никто из магглов его не побеспокоил. Следующим был небольшой гламур, чтобы скрыть шрам от молнии. Последним было заклинание, меняющее прическу. На самом деле это было шуточное заклинание, но оно все равно сработало.

Гарри уменьшил своё туловище и вышел из ванной комнаты брюнетом с прямыми, тонкими волосами и чистым цветом лица. Он уверенно шёл сквозь толпу, которая волшебным образом расступалась перед ним. Все на станции чувствовали, что он здесь, хотя их взгляды скользили прямо по нему. Это облегчало прохождение и выход из здания.

От станции Гарри пешком отправился в Дырявый котёл. Это была не быстрая прогулка, но ничего страшного. С его повышенной выносливостью он не уставал, и это давало ему время обдумать свой план. Его друзья очень помогли разработать план, но теперь, когда Гарри был предоставлен сам себе, было о чем подумать. Например, как сильно и куда ударить Локи. Должен ли он ударить его по лицу? По лицу, которое было так похоже на его собственное, по лицу, которое прокляло его за то, что его постоянно сравнивают с отцом, доставляющим неприятности? Или, может быть, ударить его в живот? Это было любимое место Дадли, куда он бил людей, поэтому Гарри точно знал, насколько это больно.

Каждый раз, когда он думал о своём отце, он чувствовал только злость. Злость на маленького мальчика в шкафу, который постоянно мечтал, чтобы его кто-нибудь спас. Гнев за одиннадцатилетнего волшебника, который чуть не потерял себя из-за зеркала, обещавшего семью. Ярость на человека, потерявшего молодость в Азкабанах и жизнь в войне, которая не должна была продолжаться так долго. Ярость за человека, опустошенного проклятием и оставленного в одиночестве людьми, которым, как он думал, мог доверять. В нем было столько боли. Его отец был жив, а он оставил всех в одиночестве на целых 14 лет! Ничто не могло оправдать этого! Ничто и никогда.

Гарри был знаком с яростью. Он давно научился подавлять свой гнев и прятать его подальше. За последний год он срывался направо и налево. Видения Амбридж и Волан-де-Морта разрушили его способность притворяться, что он не испытывает постоянного разочарования и недовольства миром.

Иногда это пугало его, эта тьма внутри. Поздно вечером он задумывался, не стал ли он таким же, как Волан-де-Морт, в конце концов. Гарри не хотел чувствовать себя таким, не хотел ощущать себя чудовищем. Но иногда ему это удавалось. Как сейчас, когда он шел по оживленным улицам Лондона. Ведь как бы он ни называл удар Локи правосудием, разве это не было местью? Да, так оно и было. Он мстил за свое разрушенное детство, он мстил за мучительную жизнь Сириуса, он мстил за одиночество и боль Ремуса.

Всего лишь одним ударом, напомнил себе Гарри. Он не хотел перегибать палку, не нужно становиться следующим Геркулесом и случайно убивать всех своих родных. Это никому не понравится. Он не хотел убивать Локи, не хотел, чтобы тот умер. Гарри просто хотел взять весь этот гнев и боль и обвинить в них кого-то. Он хотел, чтобы кто-то другой взял на себя ответственность за все те дерьмовые вещи, которые произошли. Но Локи этого не делал, он не возвращался в мир и не спасал положение. Отсюда и удар.